

© 2017 г.

В.В. ДАМЬЕ

Я.С. ДРАБКИН – ПАТРИАРХ РОССИЙСКОЙ ГЕРМАНИСТИКИ

10 октября 2015 г. не стало Якова Самойловича Драбкина. Историка с большой буквы. Прекрасного человека. Замечательного учителя и доброго друга. Каждый, кто встречался с ним в последние годы его богатой событиями жизни, никогда не сможет забыть его облик библейского патриарха со снежно-белой головой. Несмотря на возраст, слово «старик» совершенно не ассоциировалось с этим человеком, глаза которого излучали молодость, силу, непритворный интерес к собеседнику и ко всему вокруг. Никто бы не мог сказать, сколько же ему лет на самом деле. Из него лучилась жизненная энергия – и не только благодаря светлому уму и многолетним тренировкам по системе любимой им йоги. Для такого надо было быть таким человеком, как он – обладать его характером, его жизнелюбием, его оптимизмом.

Я.С. Драбкин был человеком своего времени, и история этого времени, «стального века» страны, как в зеркале отразилась в его жизни и судьбе. Он родился в самый разгар жестокой гражданской войны, полыхавшей на просторах развалившейся Российской империи. Его родной город Киев неоднократно переходил из рук в руки. Кто только ни правил здесь, чьи только флаги ни развевались над резиденцией очередных властей... Судьбы жителей поворачивались то в ту, то в другую сторону, как подгоняемая ветром фигурка флюгера с изображением киевского символа – Архистратига Михаила, что на Южной въездной башне Софийского монастыря. В начале марта 1918 г. Киев был занят германскими войсками генерал-фельдмаршала Г. фон Эйхгорна, которые свергли там Советскую власть и вернули полномочия Украинской центральной раде. Но уже 28 апреля Рада была арестована немецкими военными властями, передавшими власть гетману Скоропадскому. 30 июля Эйхгорн был убит в Киеве левозеровскими боевиками.

Яков Драбкин появился на свет в момент очередного военно-политического кризиса: 25 апреля 1918 г. по старому, 8 мая по новому стилю. Вряд ли он мог помнить последовавшие месяцы и годы, ставшие страшным испытанием для киевлян и особенно для тех, кто, как еврейское население, в условиях гражданской войны в Украине относился к «группам риска». Чтобы стать жертвой террора в те годы, не нужно было быть политическим активистом или горячим приверженцем одной из противоборствующих сторон. Достаточно вспомнить подъем антисемитизма и погромы, учиненные «белыми» в Киеве в сентябре и октябре 1919 г., когда погибли сотни людей.

К счастью, семье удалось выжить в гражданской войне. Отец Якова Самойловича был инженером лесной промышленности и скончался в 1922 г. Мать немного пережила супруга; она работала в торговле, потом в библиотеке и умерла в 1957 г. Брат Якова, Григорий, родившийся в 1910 г., стал инженером-электриком. Драбкины были трудовой интеллигентной семьей, а в такой среде лодырничать и сидеть на шее

Дамье Вадим Валерьевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН. (Москва, Россия).

у родителей всегда было не принято. «Немецкую» школу-семилетку Яков закончил в 1933 г. — страшном году голода, особенно тяжело поразившего Киевщину. Очевидцы событий рассказывали потом о толпах голодавших и измученных людей, заполнивших улицы Киева. 15-летний мальчик пошел работать. Он устроился курьером, потом секретарем в Киевском госцирке, а в 1934 г. поступил на вечернее отделение Киевского индустриального рабфака. Сначала он хотел быть инженером, но затем заинтересовался историей и в 1936 г. решил поехать в Москву — поступать в Институт философии, литературы и истории (ИФЛИ) — изучать философию или историю. Но выяснилось, что в институте идет ремонт, и Яков Драбкин подал документы на исторический факультет МГУ, с блеском сдал экзамены и поступил в главный университет страны¹.

«Мы были молодыми ребятами, студентами, мы были рады, что попали в московский университет», — вспоминал позднее Яков Самойлович о своих студенческих годах. По его словам, он не был активным комсомольцем: «Не потому что у меня было что-то против этого, но просто так получилось: там, на рабфаке, не было комсомольской организации. И я пришел “беспартийным”. Но когда я в 36-м пришел на истфак, то это сразу почувствовалось, потому что там шли большие комсомольские дискуссии. И у меня не было сколько-нибудь политической позиции»².

Возможно, такая отстраненность спасла студенту жизнь. Шел страшный 1937 год. Жертвой репрессий стал декан-основатель истфака Ц.Л. Фридлянд. Из названия МГУ убрали слова «имени М.Н. Покровского»: советского «историка № 1» уже не было в живых; его «школа» подверглась разгрому. В университете «разбирали» дела «врагов народа» и «утративших бдительность». Кого-то удавалось отстоять. Как вспоминал позднее соученик Драбкина М.Я. Гефтер, с которым Яков сблизился уже на последних курсах, «до часу ночи шли комсомольские собрания — студентов осуждают за то, что вовремя не разоблачили родителей... И защищали, и возражали, и даже некоторым из нас это сходило с рук». Но, несмотря ни на что, «курс был замечательный»³, а лекции читали блестящие преподаватели, поощрявшие самостоятельные изыскания студентов. В университете Яков Драбкин делает свои первые шаги в науке. С самого начала и на всю жизнь определился круг его главных интересов: история Германии и история социальных движений. Написанная им в 1940 г. статья посвящена событиям Крестьянской войны в Германии в 1525 г.; она была включена в сборник студенческих работ по истории Средневековья, который был опубликован под редакцией проф. В.В. Стоклицкой-Терешкович тиражом в 3,5 тыс. экземпляров⁴. Яков женился на своей сокурснице, Ирине Рахмановой. Она стала не только его спутницей жизни, но и настоящим товарищем во всем. Вместе они прожили долгую и счастливую жизнь вплоть до самой ее кончины. У них родилось двое сыновей: Сергей в 1941 г. и Алексей в 1947 г. Историк А.И. Борозняк вспоминал о той атмосфере необыкновенной теплоты, которую Ирина Платоновна создавала в гостеприимной квартире Драбкиных: «Общение с ней было радостью. Ей все было интересно, она умела слушать и слышать, сочувствовать и помогать»⁵. Могу только подтвердить эти слова. Мне тоже запомнились чаепития и разговоры на кухне с Яковом Самойловичем и Ириной Платоновной, когда я приходил в их дом по своим аспирантским, а позднее — и научным делам.

¹ *Борозняк А.И.* Время истории и время историка. — Германия и Россия в судьбе историка. Сб. статей, посвященный 90-летию Я.С. Драбкина. М., 2008, с. 15.

² Круг Гефтера. О Михаиле Гефтере рассказывает историк Яков Драбкин. — Интернет-журнал «Гефтер» (электронный ресурс). — <http://gefeter.ru/archive/8635>

³ *Гефтер М.Я.* Рассказ о моих пяти жизнях, в ночь на 5 октября 1993 года. — <http://gefeter.ru/archive/13613>

⁴ *Драбкин Я.* Город Вюрцбург в крестьянской войне. — Средневековье в эпизодах и лицах: научно-популярный сборник, составленный студентами исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова под руководством и редакцией проф. В.В. Стоклицкой-Терешкович. М., 1941.

⁵ *Борозняк А.И.* Указ. соч., с. 16–17.

Но все это будет еще очень и очень нескоро. Тогда, в 1940–1941 гг. никто не мог предсказать даже ближайшего будущего. На последующие годы история мира и страны полностью поглотила и растворила в себе все индивидуальные истории. И Якову Драбкину пришлось отложить дорогу в науку и отложить надолго.

Сначала грянул Советско-финский конфликт. Прекрасный спортсмен-лыжник, студент Драбкин вместе с несколькими друзьями в январе 1940 г. уходит на фронт Зимней войны. То, что «Советский Союз и Красная Армия не готовы к большой и тяжелой военной кампании», он «ощутил на своей шкуре». «Мы были добровольцами и с нашим оборудованием и с нашей плохо стрелявшей винтовкой были весьма доступной жертвой. Но мы попали поздно — это был Второй батальон московского комсомола, первый погиб на Карельском перешейке весь почти. А мы были — второй, и нас чему-то готовили в Серпухове под Москвой, чему-то научили»⁶.

В марте 1940 г. Яков Драбкин возвращается в МГУ и снова включается в учебу. Университет он закончил, получив диплом с отличием. Последний государственный экзамен сдавали 25 июня 1941 г. Но уже 22 июня разразилась Отечественная война. Сообщение Молотова по радио застало почти выпускника за рубкой дров в саду. «И пошел я сразу на исторический факультет, где был студентом, заканчивающим последние дни 5 курса, — рассказывал Яков Самойлович в радиоинтервью в 2012 г. — Считалось, что я готов на фронт, и побежал сразу в райком заявлять, чтобы меня послали поскорее воевать. Но меня отправили назад и сказали — ждите. Повестка пришла в июле месяце, я сразу отправился на Северо-западный фронт, в район Новгорода Великого, то есть, в сам город, где мне выдали обмундирование рядового, а потом присвоили звание младшего политрука»⁷. Беременную жену удалось отправить в эвакуацию в Сталинград, где она и родившийся в августе 1941 г. сын буквально под бомбами в 1942 г. были перевезены к северу, вверх по Волге.

Главное политуправление Красной Армии решило использовать блестящее знание вчерашним студентом университета немецкого языка. Я.С. Драбкин был направлен в 7-й отдел, который расположился в Доме Красной Армии и занимался разбором трофейных документов, собранных на поле боя, допросом военнопленных и перебежчиков, выяснением состояния сил противника на основе данных разведки, а также выпуском агитационных материалов на немецком (газеты «Друг солдата» и листовок) с призывом к военнослужащим германской армии сдаваться в плен. Неудивительно, что в ситуации постоянного наступления вермахта такая агитация поначалу имела незначительный успех. К осени 1941 г. Драбкин добился перевода в 11-ю армию, на должность старшего инструктора политотдела. В начале 1942 г., во время первого советского контрнаступления, он вызвался идти вместе с прибывшим из Сибири лыжным батальоном, но тот был разгромлен. Драбкин был легко контужен и вновь возвращен к работе с пленными.

Весной 1942 г. его снова перевели в штаб фронта и назначили ответственным редактором газеты на немецком языке, которую пытались распространять среди германских солдат. В ноябре 1942 г. он уже возглавлял редакционно-издательское отделение 7-го отдела Политуправления Северо-западного фронта. Настоящей душой и генератором идей в этой работе, как вспоминал Яков Самойлович, был блестящий молодой филолог Лев Копелев, автор диссертации о Фридрихе Шиллере. С ним Драбкин сдружился на всю жизнь, хотя судьба очень скоро разбросала их и снова свела вместе лишь в последний период жизни. Сотрудники занимались, прежде всего, работой по агитации войск противника: писали листовки, вели радиопередачи, старались чаще привлекать к сотрудничеству военнопленных. В 1943 г. Яков Драбкин получил свой первый орден — Красной звезды (за ним последовали в 1944 г. орден Отечественной войны, а в 1951 г. — вторая Красная звезда).

⁶ Почему Победа досталась столь дорогой ценой? Беседа с Я.С. Драбкиным. — <http://www.svoboda.org/content/transcript/24574425.html>

⁷ Там же.

В 1944 г. Драбкина направили в 49-ю армию 2-го Белорусского фронта. Как «инструктор-литератор» политотдела, он непрерывно обращался через звуковые установки к германским солдатам в «Белорусском котле», призывая их сложить оружие; лично допрашивал многих пленных офицеров и генералов. Позднее агитация через звуковые установки велась уже в Польше и Германии. В самом конце войны, 30 апреля 1945 г., Драбкину предстояло увидеть одну из самых страшных картин в той щедрой на ужасы и зверства войне: начальство отправило его осматривать нацистский концлагерь Равенсбрюк, откуда только что удалось освободить немногих выживших узников.

Когда война закончилась, майор Драбкин хотел вернуться домой, к книгам. Но руководство Советскими оккупационными войсками в Германии сочло, что его знания немецкого языка и опыт общения с немцами еще пригодятся. Он служил в Дрездене, а затем в Магдебурге, принимая участие в работе по денацификации: ездил по стране, выступая перед населением с лекциями об аграрной, школьной и культурной реформах в Советской зоне, о жизни и просвещении в СССР. К нему приехала семья. В 1947 г. его перевели на службу в Карлсхорст, назначив офицером-инспектором, а в 1948 г. — старшим офицером по особым поручениям при заместителе Главного начальствующего Советской военной администрации в Германии (СВАГ) по политическим вопросам. В этой должности Драбкин занимался контактами с немецкими политическими партиями и общественными организациями. Работа в Германии позволила ему не только вживую изучить эту страну, но и дала ему ценный опыт, как мы могли бы сказать сегодня, «практической политологии». В эти «немецкие» годы он пишет статьи в изданиях СВАГ, посвященные событиям новейшей германской истории: немецкому рабочему движению, деятельности К. Маркса, революции 1848 г., Ноябрьской революции 1918 г., Веймарской конституции 1919 г. и конституционной работе в Восточной Германии. Так закладывалась база его научных интересов, которые Яков Самойлович сохранил на всю жизнь.

В августе 1949 г. Драбкин смог, наконец, вернуться в Советский Союз. До октября 1956 г., оставаясь в рядах вооруженных сил, он преподавал в Военной академии тыла и снабжения в Калининe, а в декабре 1953 г. защитил в МГУ кандидатскую диссертацию об образовании Веймарской республики в 1919 г.⁸ Основой стала его старая студенческая курсовая работа. Но, как быстро выяснилось, взявшись за эту тему, историк Драбкин оказался в самой сердцевине полемики, которая имела не только научный характер. И хотя в стране уже наступила «оттепель», бросать вызов устоявшимся авторитетам оставалось делом рискованным и требовало от ученого и гражданина немалой смелости. Однако Яков Самойлович и в тот раз, и в последующем неоднократно показывал, что готов отстаивать свою точку зрения, невзирая на возможные и даже вполне реальные неприятности.

Дискуссия о том, какой характер носила Ноябрьская революция 1918 г., с точки зрения «советского марксизма», может показаться сегодняшнему читателю чем-то совершенно неважным и неинтересным. Ведь она разворачивалась в жестких рамках официальной идеологии и напоминала споры схоластиков о том, сколько же ангелов поместится на кончике иглы. Сам подход в духе анализа «революции в одной стране» на фоне разворачивавшейся в 1917–1923 гг. мировой революционной волны, в которой перемешивались и социалистические, и демократические, и антиколониальные, и антифеодалные и многие другие элементы, сейчас возможно счесть чересчур узким, что, разумеется, не отменяет ценности исследований конкретных событий и фактов, проведенных историками тех лет. Но нам важно помнить и о той самой, не «чисто научной» подоплеке. Ведь классифицируя Ноябрьскую революцию, как «буржуазно-демократическую», Драбкин вступал в конфликт как со сталинским «Кратким курсом» (где революция расценивалась как «буржуазная»), так и с учеными из ГДР (считавшими ее «пролетарской, но потерпевшей поражение»). В ходе споров в 1956–1957 гг. в адрес

---

⁸ *Драбкин Я.С.* Германское национальное собрание в 1919 г. и образование Веймарской республики. (Автореферат канд. дисс.). М., 1953.

новатора звучали даже политические упреки⁹. Ведь, в конечном счете, «пролетарский» характер событий связывался, в первую очередь и преимущественно, с деятельностью Коммунистической партии Германии, а потенциальное обвинение в «недооценке роли компартии» всегда висело, как дамоклов меч, над любым советским ученым. Тем не менее, Я.С. Драбкину удалось отстоять свою формулировку. Ее обоснованию он посвятил статью, опубликованную в 1956 г. в журнале «Вопросы истории»¹⁰, а затем она была издана в Восточной Германии¹¹. В 1958 г. вышла его монография, ставшая первым, классическим цельным очерком истории Ноябрьской революции¹².

Впоследствии ученый еще не раз возвращался к этой теме. В 1960 г. Драбкину удалось поехать в ГДР и основательно поработать в архивах Берлина, Потсдама и Мерзебурга, изучив большое количество уникальных источников, включая материалы министерств, правительственных учреждений и Советов Германии революционного времени, документы из личных фондов Р. Люксембург, К. Либкнехта, Л. Иогихеса, Ю. Мархлевского. Это позволило историку во многом по-новому подойти к германской революции, исследовать ряд мало известных фактов и событий и проанализировать многие аспекты социальной жизни военной и межвоенной Германии. Тем самым Драбкин продемонстрировал, что является блестящим специалистом в области не только политической, но и социальной истории. Итогом этой кропотливой работы стали новые статьи и две фундаментальные монографии, переведенные также на немецкий язык: «Ноябрьская революция в Германии» (1967 г.) и «Становление Веймарской республики» (1978 г.)¹³. Во второй из этих книг была заложена основа изучения партийно-политической системы германского республиканского режима 1919–1933 гг. По словам А.И. Борозняка, в «основе книги лежал тезис автора о том, что революционные события в Германии отнюдь не завершились в начале 1919 г. ... Тем самым было выражено несогласие с укоренившейся в ГДР искусственной схемой Ноябрьской революции»¹⁴.

13 июня 1968 г. Я.С. Драбкин защитил в Институте истории АН СССР докторскую диссертацию, посвященную Ноябрьской революции. Но эта работа уже разворачивалась на новом месте – в Москве. В 1956 г. Я.С. Драбкин был назначен одним из научных редакторов Большой Советской Энциклопедии. С февраля 1957 г. по ноябрь 1962 г. он заведовал отделом журнала «Новая и новейшая история», а с января 1963 г. его рабочим местом стал академический Институт истории (с октября 1968 г. – Институт всеобщей истории), с которым он связал всю свою последующую жизнь. Конец 1950-х и 1960-е годы оказались весьма плодотворными для ученого. Среди тем, которые привлекали его научный интерес, были история Советского движения в Германии, связи между революционерами в России и Германии, немецкий антифашизм и движение Сопротивления¹⁵.

---

⁹ Драбкин Я.С. Революции как научная проблема. Исповедь и проповедь. Опыт самокритики. – Германия и Россия в судьбе историка, с. 48–51.

¹⁰ Драбкин Я.С. О характере и движущих силах Ноябрьской революции в Германии (1918). – Вопросы истории, 1956, № 5, с. 77–90.

¹¹ Drabkin J.S. Über den Charakter der Novemberrevolution in Deutschland. – Die Oktoberrevolution und Deutschland. Berlin, 1958, S. 190–204.

¹² Драбкин Я.С. Революция 1918–1919 гг. в Германии. Краткий очерк. М., 1958.

¹³ Драбкин Я.С. Ноябрьская революция в Германии. М., 1967; *его же*. Становление Веймарской республики. М., 1978; Drabkin J. Die Novemberrevolution in Deutschland. Berlin, 1968; *idem*. Die Entstehung der Weimarer Republik. Berlin, 1983; *idem*. Die Entstehung der Weimarer Republik. Köln, 1983.

¹⁴ Борозняк А.И. Указ. соч., с. 25.

¹⁵ Драбкин Я.С. Рабочий и солдатский Совет Берлина в ноябре – декабре 1918 г. – Новая и новейшая история, 1958, № 6; *его же*. В.И. Ленин и Ноябрьская революция в Германии. – Ноябрьская революция в Германии. М., 1960; *его же*. Германия в огне революции (год 1918-й). М., 1964; *его же*. Исторический путь Коммунистической партии Германии. М., 1968; *его же*. Русский Октябрь и Германский Ноябрь. Создание Веймарской республики. – Германская история в новое и новейшее время, т. 2. М., 1970; *его же*. Ленин, Советская Россия и Ноябрьская революция в Германии. – Ежегодник германской истории, 1969. М., 1970; Гинцберг Л.И., Драбкин Я.С. Немецкие антифашисты в борьбе против гитлеровской диктатуры (1933–1945). М., 1961.

От конкретной, «частной» проблемы Я.С. Драбкин перешел к вопросам более глубоким и общим. Как он вспоминал позднее, оглядываясь назад, «Германская революция 1918–1919 гг. была первым сюжетом моих увлеченных занятий международным революционным процессом... Меня все больше занимали самые широкие – мировые и теоретические – аспекты истории социально-политических пертурбаций»¹⁶. Разработка этих тем сделала его ведущим специалистом по социальной истории в Советском Союзе.

4 октября 1966 г. Я.С. Драбкин выступил с докладом «Нерешенные проблемы социальных революций» на расширенном публичном заседании сектора методологии истории Института истории АН СССР. Этот сектор, возглавлявшийся М.Я. Гефтером, был образован для разработки теоретических положений исторической науки. «Идея, которой я заслужил пристальное внимание Лубянки и будущее изгойство, сегодня звучит банально: новое прочтение марксизма, – вспоминал Гефтер в 1993 г. – За мной обнаружился страшный грех отрицания исторического материализма, “истмата”. Я утверждал публично и вел сектор на основе принципа, что теории истории вне исследования истории нет и не может быть. Что “общие законы”, для которых история, творимая и влекущая людей, является лишь иллюстрацией, – это отмена исторической науки. И я твердил, что нельзя остаться на почве знания и понимания, не рассмотрев открытыми глазами все, что пережил коммунизм после Октября и во времена Сталина. Сталин неслучаен для коммунизма, утверждал я. Так я стал инакомыслящим. Но инакомыслящий заведовал сектором методологии Института истории АН СССР! Быть инакомыслящим в фаворе – очень странная роль»¹⁷.

Сектор быстро превратился в своего рода бастион антиортодоксии. Таким же неортодоксальным по тем временам был и доклад Драбкина: ведь «уже в самой постановке вопроса узрели если не крамолу, то, по меньшей мере, дерзость. Что же еще могло быть «нерешенным» в революциях, расписанных самими классиками и проштампованных во многих документах компартий и Коминтерна?»¹⁸. Яков Самойлович не только остановился на таких «рискованных» темах, как возможность, в определенных ситуациях, смены социального строя без насильственной революции, путем реформ или «революции сверху», или вопрос о «цене революции», но и сформулировал совсем уж «крамольное» для сталинских идеологов положение о всемирности революционного процесса в начавшуюся с 1917 г. «эпоху мировой социалистической революции». Доклад вызвал оживленную дискуссию, в которой приняли участие 13 ученых. Осенью 1969 г. подвергшийся цензуре текст доклада и материалы дискуссии были опубликованы в академическом сборнике, причем во вступительной статье М.Я. Гефтер подчеркнул направленность книги на «новое прочтение исторической концепции Маркса, Энгельса, Ленина»¹⁹. Тезис об «эпохе революции» содержался и в статье Я.С. Драбкина о социальной революции, включенной в II том Советской исторической энциклопедии.

Для партийных консерваторов и охранителей это было уже слишком! Сигнал к травле был дан в статье сотрудников Высшей партийной школы, опубликованной 28 февраля 1970 г. в газете «Советская Россия»²⁰. Авторы материалов, включенных в сборник (историки Я.С. Драбкин, М.Я. Гефтер, А.А. Галкин, А.Я. Грунт, В.А. Дунаевский, М.М. Карлинер, И.С. Кремер, К.Л. Майданник, а позднее и П.В. Волобуев), были, по существу, объявлены «ревизионистами», нарушившими марксистско-ленинский метод познания и принцип партийности в исторической науке. Это

¹⁶ Драбкин Я.С. Революции как научная проблема, с. 51.

¹⁷ Гефтер М.Я. Рассказ о моих пяти жизнях...; Илюхина Е.С. М.Я. Гефтер: историк, диссидент. (Автореферат канд. дисс.). Ростов-на-Дону, 2011.

¹⁸ Драбкин Я.С. Революции как научная проблема, с. 51.

¹⁹ Историческая наука и некоторые проблемы современности. Статьи и обсуждения. М., 1969, с. 9.

²⁰ Корнилов А., Прокопенко Н., Широков А. Под видом научного поиска. – Советская Россия, 28.II.1970.

было тяжелое политическое обвинение. За этой статьей последовали и другие «разоблачения» в партийной печати²¹. Как вспоминал Яков Самойлович, инициатором кампании был заведующий Отделом науки ЦК КПСС С.П. Трапезников²². Историки пытались защищаться. Они обратились с просьбой о защите в АН СССР, добиваясь права на научный поиск, и призывали к проведению обсуждения материалов книги в Институте, который после разгрома «либерального» парткома и разделения учреждения в 1968 г. стал называться Институтом всеобщей истории АН СССР. В ходе неоднократных дискуссий авторы объясняли свою позицию, но все было предрешено. Отделение истории АН СССР осудило «ошибки» книги; сектор М.Я. Гефтера был расформирован. В публикации о дискуссии, появившейся в журнале «Вопросы истории», аргументы авторов сборника включены не были²³. Иными словами, защищать свою позицию им попросту не давали. Более того, дело могло приобрести еще более серьезный оборот. По воспоминаниям Я.С. Драбкина, «рассылали набор институтского сборника, специально подготовленного к 100-летию В.И. Ленина, где была и моя статья. П.Н. Поспелов (бывший директор Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и руководитель коллектива, готовившего официальную биографию Ленина. — В.Д.) даже пытался за рассуждения о “мировой революции” обвинить меня в “троцкизме”. Наше (Некрича, Гефтера и моё) участие в работе Международного конгресса историков, проходившего в Москве в 1970 г., было строго лимитировано: нам запретили общаться с западными учеными»²⁴. По свидетельству А.И. Борозняка, «Яков Самойлович оказался — с точки зрения высокого начальства — личностью чуть ли не подозрительной... На несколько лет он стал невыездным, и на многочисленные приглашения историков ГДР ему приходилось отвечать невнятными отказами»²⁵.

Можно проследить определенные параллели между научными поисками Я.С. Драбкина и других историков «круга Гефтера» в Советском Союзе и дискуссиями в международных левых кругах второй половины 1960-х гг., где в этот период (в том числе, и на фоне знаменитого 1968 года) оживленно обсуждались самые разные концепции, порывавшие с марксистско-ленинской «ортодоксией»: от «демократии Советов» в противовес модели партийной диктатуры до теории «реформ, преодолевающих систему», в качестве пути к социалистическому обществу. Это было время, когда и в ряде зарубежных коммунистических партий заговорили об «обновлении социализма» и теории. Неудивительно, что зарубежные левые с интересом отнеслись к мыслям, высказанным прогрессивными советскими историками и обществоведами. Сборник 1969 г. подвергся травле и разгрому в Советском Союзе, но опубликованную в нем статью Я.С. Драбкина охотно переводили и издавали в других странах, прежде всего там, где в компартиях были сильны настроения, которые затем получили название «еврокоммунизма» — в Италии²⁶ и Франции. Сборник 1969 г. попал даже в далекую Мексику, где его решили опубликовать в переводе на испанский целиком, причем указав на обложке в качестве единственного автора Я.С. Драбкина²⁷. Историк ничего не знал об этом издании, пока однажды оно, к удивлению автора, не было ему передано. Помню, как уже в 1980-е годы Яков Самойлович показывал мне эту мексиканскую книгу, как настоящий раритет. Драбкин не стал уточнять, какие не-

²¹ Рыбаков М.В. О некоторых неоправданных претензиях. — Вопросы истории КПСС, 1971, № 7; Смирнов А. За строгую научность, достоверность и историческую правду. — Коммунист, 1972, № 5.

²² Драбкин Я.С. Революции как научная проблема, с. 56.

²³ Шурбованный Г.П. Обсуждение некоторых проблем методологии истории. — Вопросы истории, 1971, № 10.

²⁴ Драбкин Я.С. Революции как научная проблема, с. 56.

²⁵ Борозняк А.И. Указ. соч., с. 24–25.

²⁶ Drabkin J.S. Problemi insoluti nello studio delle rivoluzioni sociali. — Rassegna Sovietica, 1975, № 3.

²⁷ Drabkin J.S. Las revoluciones sociales. México, 1975.

приятности могли ему грозить за несогласованное с властями издание его работы за границей (шутка ли, по тем временам!). Но и на сей раз пронесло...

Несмотря на травлю и риск, ученый не смирился. Он продолжил работу над темой, озаглавленной как «Ленинская концепция мировой революции», и подготовил рукопись объемом в 40 авторских листов. В феврале 1973 г. она обсуждалась в секторе германской истории Института всеобщей истории (ИВИ) АН СССР, с участием таких историков, как В.М. Далин, Ю.А. Красин, С.С. Салычев и К.К. Шириня. Текст был одобрен; при обсуждении его рекомендовали расширить и дополнить, издав затем в виде монографии. Однако тогдашнее руководство института решило иначе. 29 мая 1973 г. дирекция постановила «считать нецелесообразным продолжение разработки» темы как «не соответствующей профилю Института». При этом в приказе по институту Я.С. Драбкину еще и объявили выговор... за «невыполнение индивидуального плана»!

Положение несколько улучшилось после того, как Якова Самойловича летом 1975 г. перевели в созданный в ИВИ сектор международного рабочего движения во главе с С.С. Салычевым. Главной задачей подразделения стала подготовка многотомной «Истории международного рабочего движения». Международный отдел ЦК КПСС дал санкцию на привлечение Я.С. Драбкина к этой работе, рассчитывая, очевидно, с одной стороны, использовать его знания и наработки, а с другой — держать «чересчур самостоятельно» мыслящего ученого под контролем, в рамках большого общего проекта. В конечном счете, он возглавил коллектив авторов, которые писали материалы для четвертого тома — «Великий Октябрь и международный рабочий класс (1917–1923 гг.)»²⁸. Хотя, как признавал позднее Яков Самойлович, в томе сохранились недостатки (определявшиеся временем и официальной идеологией), такие как «превознесение русского Октября как самого великого перелома в истории всего человечества» и фигуры В.И. Ленина, удалось поставить и «отчасти и разрешить» ряд вопросов, «опираясь на комплексный подход рассмотрения истории». Даже в 2000-х годах он оценивал книгу как шаг вперед в «преодолении навязанной “Кратким курсом истории ВКП(б)”, другими работами Сталина и его приверженцев ложной догматической схемы как российского, так и мирового исторического процесса в 1917–1923 гг.»²⁹ В частности, был начат отход от жесткого противопоставления Февральского и Октябрьского этапов революции в России, более дифференцированно рассматривались события российского и мирового революционного процесса в период после Первой мировой войны, и уделялось внимание не только коммунистам, но и другим течениям социалистического движения. В процессе работы над томом Я.С. Драбкин установил или укрепил контакты с такими общественоведами и историками, как Ю.А. Красин, А.А. Галкин, Н.А. Симония, Б.И. Коваль. Он стал постоянным участником теоретического «Красинского семинара» в Институте общественных наук, на котором велись новаторские дискуссии по проблемам исторического процесса и социальных движений в мире.

Одновременно ученый продолжал работать и над тематикой, связанной с Германской революцией и социально-политической историей Германии³⁰. Все большее внимание он уделял изучению историографии проблем германской истории и по-

---

²⁸ Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории. Т. 4. Великий Октябрь и международный рабочий класс (1917–1923). М., 1980. Это издание переведено на немецкий, английский, французский, испанский и японский языки.

²⁹ Драбкин Я.С. Революции как научная проблема, с. 58.

³⁰ Драбкин Я.С. Германские левые социал-демократы и революционная Россия. — Проблемы германской истории, вып. 2. Вологда, 1973; *его же*. «Русский вопрос» в германской политике накануне Версаля. — Ежегодник германской истории, 1976. М., 1977; *его же*. Великий Октябрь и революции 1918–1919 гг. в Центральной Европе. — Ежегодник германской истории, 1977. М., 1978; *его же*. СВАГ и предпосылки основания ГДР. — Ежегодник германской истории, 1979. М., 1981.

лемике с ее реакционными и реваншистскими истолкованиями³¹. Под редакцией Я.С. Драбкина, с его предисловием и примечаниями был издан русский перевод книги западногерманского историка С. Хаффнера о революции в Германии³². Итогом этих многолетних исследований стала фундаментальная работа «Проблемы и легенды в историографии Германской революции», которую Яков Самойлович считал последним томом своей трилогии о Ноябрьской революции и Веймарской республике³³.

Но история не сводится к крупным массовым выступлениям, движениям и общим процессам. Ее делают люди. Неудивительно, что Я.С. Драбкина, как ученого-историка, всю жизнь интересовали активные участники исследуемых им событий – их взгляды, стремления, действия, споры... Его перу принадлежат не только статьи о наиболее ярких фигурах германского революционного движения³⁴, но и книга, посвященная «четверым стойким» – К. Либкнехту, Р. Люксембург, Ф. Мерингу и К. Цеткин. Эта работа была написана в жанре документальной повести, и Я.С. Драбкин стремился показать своих героев не мифологизированными «историческими персонажами», а конкретными людьми, «в гуще жизни, споров, борьбы, раздумий. И не только по вопросам политики, а и истории, литературы, искусства, человеческих отношений»³⁵. Книга стала проявлением еще одной грани таланта Якова Самойловича – литературной. Она вышла тиражом в 200 тыс. экземпляров и была переведена на немецкий язык. Стоит отметить, что интерес к образу и идеям Р. Люксембург не покидал историка и в последующие годы. В 1990 г. он перевел и опубликовал ее знаменитые записки 1918 г. с критическим анализом большевизма и Российской революции³⁶. В 1991 г. под редакцией и с предисловием Я.С. Драбкина вышел том сочинений Р. Люксембург³⁷. Ученый подчеркивал, в первую очередь, гуманизм революционности «красной Розы». На международной конференции в Москве в 2004 г. Я.С. Драбкин говорил, что «самыми актуальными и животрепещущими выглядят [ее] рассуждения о соотношении демократии и диктатуры, насилия и свободы. Роза Люксембург вовсе не была противником революционного насилия, как такового. Но ее серьезно беспокоило (и мы теперь ясно видим, что для того были реальные основания), как бы не угасли революционная активность и самодеятельность масс, как бы диктатура пролетариата не выродилась в диктатуру вождей, в буржуазную диктатуру. Провидчески звучат ее слова о том, что “свобода всегда есть свобода для инакомыслящих, что от этой ее сути зависит все живительное, целительное и очищающее действие демократии”»³⁸. Кон-

---

³¹ Драбкин Я.С. Легенда «об ударе кинжалом в спину». – Новая и новейшая история, 1964, № 1; *его же*. Германская революция 1918–1919 гг. в современной борьбе идей. – Рабочий класс в мировом революционном процессе. М., 1980; *его же*. Проблематика Ноябрьской революции и борьба идей. 60 лет историографии: легенды и уроки. – О революциях 1918 г. в Европе. М., 1980; *его же*. Новые публикации в ГДР о К. Либкнехте и Р. Люксембург. – Рабочий класс и современный мир, 1984, № 1; *его же*. Новые книги историков ГДР о германском фашизме. – Новая и новейшая история, 1984, № 4.

³² Хаффнер С. Революция в Германии 1918–1919. Как это было в действительности? М., 1983.

³³ Драбкин Я.С. Проблемы и легенды в историографии Германской революции 1918–1919. М., 1990. Характерно, что книга вышла в свет лишь в годы Перестройки. Я.С. Драбкин предлагал включить эту тему в план своей работы в ИВИ АН СССР еще в 1973 г., но, по его словам, дирекция сочла «менее опасной» тему «Становление Веймарской республики».

³⁴ Драбкин Я.С. Карл Либкнехт и революционная Россия. – Новая и новейшая история, 1972, № 3; *его же*. Соратницы в борьбе за великое дело. (Из переписки К. Цеткин и Р. Люксембург). – Новая и новейшая история, 1976, № 3.

³⁵ Драбкин Я.С. Четверо стойких: К. Либкнехт, Р. Люксембург, Ф. Меринг, К. Цеткин. Документальная повесть. М., 1985, с. 3.

³⁶ Люксембург Р. Рукопись о русской революции. – Вопросы истории, 1990, № 2.

³⁷ Люксембург Р. О социализме и русской революции. Избранные статьи, речи, письма. Составитель и автор предисловия Я.С. Драбкин. М., 1991.

³⁸ Драбкин Я.С. Роза Люксембург в треугольнике стран и культур. – Роза Люксембург: актуальные аспекты политической и научной деятельности. М., 2004, с. 30.

ференция была организована Международным обществом Розы Люксембург, в работе и форумах которого Я.С. Драбкин активно участвовал.

Уважение к свободе мнений, к взглядам других людей — эта позиция Розы Люксембург была близка Якову Самойловичу. И он неукоснительно придерживался ей в своей научной деятельности. Я имел счастливую возможность оценить эту его черту, когда работал под его руководством над кандидатской диссертацией в Институте всеобщей истории АН СССР. Хорошо помню, как в 1981 г., только что окончив Историко-архивный институт, я пришел в здание на улице Дмитрия Ульянова, где тогда располагался ИВИ, и меня познакомили с Яковом Самойловичем. Я и мечтать не мог о том, что моим научным руководителем станет такой выдающийся ученый! К моему радостному удивлению, в нем не было высокомерия: он относился ко мне, молодому аспиранту, еще ничего не сделавшему тогда в науке, с живым интересом и почти отеческой теплотой. С ним всегда можно было обсудить любые проблемы, получить совет, а если надо — то и помощь. Даря мне свою книгу «Четверо стойких», он написал ее «молодому другу», «первому читателю и критику», и я верю, что это были не только вежливые слова, но и выражение действительного отношения: Якову Самойловичу никогда не было свойственно кривить душой. Работать с ним мне, аспиранту, было нелегко, но невероятно интересно. С самого начала он сказал мне фразу, которую я запомнил на всю жизнь и с тех пор стараюсь неукоснительно следовать ей: «Вы можете придерживаться любых концепций, я ничего вам не навязываю. Но настаиваю на одном: все, что вы утверждаете, вы должны не просто декларировать, но обязательно доказывать, и уметь это обосновать». И, как руководитель диссертации, он требовал научной строгости. Помню, как он раз за разом безжалостно «черкал» приносимые мною куски диссертации, выбрасывая то, что считал чрезмерным увлечением публицистикой и «дурной литературщиной». Я, полагавший тогда нужным писать «разговорным языком», ворчал про себя, но приносил новый вариант... Характерная черта: Яков Самойлович отказывался «править» или самостоятельно изменять мой текст; он всегда повторял: «Это ваша работа, и писать должны вы». Я и писал... Постепенно учась это делать.

Думаю, что имею право с гордостью считать себя учеником Я.С. Драбкина в науке. И хотя мы уже тогда, да и позднее могли придерживаться различных идейных взглядов и позиций, это никогда не наносило ущерба нашему взаимному уважению, дружбе и плодотворному сотрудничеству. С оживлением научных дискуссий в годы Перестройки Яков Самойлович ввел меня в круг самых видных историков, социологов и обществоведов страны. Я помогал ему в организации и проведении открытых теоретических семинаров в ИВИ по проблемам «Революции и социальный прогресс» и «Тоталитаризм и демократия», на которые приглашались ведущие специалисты по социальным наукам, и эти обсуждения задавали направление работе нашего небольшого коллектива социальных историков во второй половине 1980-х и 1990-х годов. Одним из ее итогов стала публикация общей монографии о новых социальных движениях на Западе — первой в своем роде в нашей науке: Я.С. Драбкин возглавлял группу авторов и написал для книги предисловие и заключительную главу³⁹.

Еще до падения «железного занавеса» Яков Самойлович поддерживал тесные контакты с немецкими историками. Разумеется, вначале это были ученые из Восточной Германии — Л. Штерн, Э. Энгельберг, Ю. Кучинский. Я.С. Драбкин участвовал в работе Комиссии историков СССР и ГДР, выступал в университетах Берлина и Лейпцига. Особенно его интересовала в 1980-е годы работа лейпцигского Междисциплинарного центра по сравнительному изучению революций, который возглавлял академик М. Коссок. Сотрудничая с ним, Яков Самойлович думал о новом проекте — коллективном труде о роли революций в мировом историческом процессе. В нем должны были участвовать ведущие советские обществоведы. Однако, как писал позд-

³⁹ Социальные движения на Западе в 70-е и 80-е годы XX в. М., 1994.

нее Драбкин, проект так и не состоялся: «Становилось ясным, что для реализации все более разраставшегося труда не хватает ни согласованности наших представлений, ни общей методологической зрелости, которая позволила бы действительно преодолеть застарелые догмы»⁴⁰.

Политические перемены, которые произошли в мире и стране в конце 1980-х и начале 1990-х годов, побудили по-новому взглянуть на проблемы социальных трансформаций в истории и современности. Жизнь окончательно похоронила господствовавшие прежде представления о линейности общественного развития. Исследователям необходимо было изменить подход и расширить объект изучения: революции, реформы, общественные движения следовало рассматривать в более обширном контексте социальных трансформаций. Российская наука выходила на уровень социальной истории, в современном понимании этого термина. Ликвидация прежней идеологической монополии в стране позволяла это сделать. В то же время появились новые, непредвиденные трудности: социальная история оказалась «не модной»; круг историков, занимающихся проблемами общественных трансформаций, сузился. Слишком у многих эти темы ассоциировались с «коммунизмом». Стали появляться статьи и книги, авторы которых пытались доказывать, что любая революция, любой общественно-политический радикализм, любые активные массовые движения сторонников глубинных преобразований неминуемо ведут к установлению жестоких диктатур. Это было время популярности тезиса американского политолога Ф. Фукуямы о «конце истории»; приверженцы таких взглядов опирались на теорию тоталитаризма в том виде, как она истолковывалась зарубежными авторами З. Бжезинским, К.И. Фридрихом и их последователями. Основываясь на признаках сходства в организации и функционировании политических режимов, отличных от модели представительной демократии, сторонники теории тоталитаризма, по существу, отождествляли общества, находившиеся в совершенно различных исторических ситуациях. При таком подходе не только сужался смысл понятия тоталитаризма и игнорировался вопрос о более широких тоталитарных тенденциях в современной индустриальной цивилизации. Термин «тоталитаризм» превращался в политический и идейный инструмент, используемый для того, чтобы заведомо исключить всякую возможность нетоталитарной альтернативы системе либеральной демократии. Соответственно, любые критики либерализма и представительной системы власти оказывались в «тоталитарном» лагере⁴¹.

Яков Самойлович, детально изучавший революционные движения и по-человечески симпатизировавший искренности людей, боровшихся за свободу и справедливость, разумеется, не мог согласиться с попытками поставить знак равенства между идеями социального освобождения и антигуманными теориями фашизма и национал-социализма. Помимо антиисторичности оценки различных обществ на основе чисто политологических критериев, его отталкивала и имплицитная тенденция к своего рода косвенному «оправданию» нацизма как некоего ответа на ужасы революции и большевизма. Тезис немецкого историка Э. Нольте о «причинном сродстве» между коммунизмом и нацизмом был подвергнут критике и многими западногерманскими учеными в ходе спора историков⁴².

Все эти проблемы обсуждались на семинаре «Тоталитаризм и демократия», который был организован Я.С. Драбкиным в ИВИ РАН, на российско-германских симпозиумах, которые по его инициативе состоялись в 1992 г. в Берлине (среди тех, с кем нам пришлось дискутировать, был и Э. Нольте). Итогом задуманных Яковом Самойловичем исследований стала первая в России научная работа о тоталитаризме

---

⁴⁰ Драбкин Я.С. Революции как научная проблема, с. 60.

⁴¹ Дамье В.В. Леворадикальная критика тоталитаризма. — Изучение диктатур. Опыт России и Германии. М., 2007; *его же*. Тоталитарные тенденции в XX веке. — Мир в XX в. М., 2001.

⁴² Драбкин Я.С. Русские и немцы — враги? — Германия и русская революция 1917–1924, ч. 2. М., 2007, с. 759.

в Европе в XX в. Руководили ею Я.С. Драбкин и Н.П. Комолова, выдающийся специалист по истории Италии в XX в., возглавлявшая в ИВИ РАН сектор, который занимался изучением социальных движений. Это был по-настоящему новаторский коллективный труд, участников которого объединяла рабочая гипотеза, не требовавшая от них, однако же, единомыслия и согласия по всем вопросам. Во введении к книге Яков Самойлович писал: «На семинаре сложился тот авторский коллектив, который дерзнул ныне вынести на суд читателей эту монографию. Разногласия, возникавшие между авторами по тем или иным аспектам нашего труда, не затушевывались. Напротив, было решено сохранить наиболее существенные разночтения в авторских редакциях отдельных глав или разделов, не превращая, однако, книгу, рожденную общим исследовательским замыслом, в простой сборник слабо связанных друг с другом повествований»⁴³. Я.С. Драбкин написал главу о Гитлере и Сталине, и мы вместе заключили монографию последней, итоговой главой «Феномен тоталитаризма», в которой затронули, в частности, такие вопросы, как возможности и пределы понятия «тоталитаризм», взаимосвязь между возникновением тоталитаризма и проблемами модернизации, идеологические и политические парадигмы рассматриваемого явления, пути преодоления тоталитарно-авторитарных режимов, парламентская и самоуправленческая альтернативы тоталитаризму⁴⁴.

Продолжить исследование международного революционного движения между двумя мировыми войнами Я.С. Драбкину дала возможность работа в крупном проекте по изданию материалов из архива Коминтерна, в рамках которого была выпущена серия томов, охвативших как общую историю этой организации, так и ее деятельность на отдельных континентах и в различных странах. Он выступил ответственным редактором сборника документов «Коминтерн и идея мировой революции», написал для него вступительную статью и комментарии⁴⁵. Изучение этих материалов, отмечал Я.С. Драбкин, «позволяет восполнить многие существенные пробелы в прежних представлениях основанных на ранних неполных публикациях. К примеру, только теперь стали доступны многие документы о помощи из Москвы зарубежным коммунистам финансами, людьми, оружием, пропагандой солидарных действий; о нараставших спорах относительно темпа и маршрута международной революции, наступательной или оборонительной тактики; о военно-конспиративной деятельности компартий и многие другие»⁴⁶. Показав, что представление о мировой революции отнюдь не являлось «выдумкой» Коминтерна, но использовалось им и в советской внешней политике, ученый выявил «семь этапов трансформации идеи мировой революции, а вместе с тем и характера деятельности Коминтерна: 1) Основание Коминтерна; 2) «Штаб мировой революции»; 3) От штурма к осаде; 4) Военно-конспиративная деятельность коммунистов; 5) Мировая революция или «социализм в одной стране»? 6) Зрела ли «идея штурма» в сознании масс? 7) Антифашизм и сталинизм»⁴⁷.

Вопрос о месте и роли революций в процессе социальных преобразований в истории не переставал волновать Якова Самойловича и в последующем. В 2008 г. 90-летний историк так суммировал итог своих раздумий: «Спору нет, бескровные, ненасильственные, продуманные и просчитанные социальные трансформации обладают несомненным преимуществом перед разрушительными взрывами. Однако остается «вечный» вопрос: как вызвать такие преобразования к жизни, не мобилизовав миллионные массы? И как удержать в рамках ненасилия разбуженную стихию? Ведь очевидно, что и в третьем тысячелетии нашей эры в мире явно преобладает насилие, растет терроризм и «снизу» и «сверху». А чем его сдерживать, если не высоко

⁴³ Тоталитаризм. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления. М., 1996, с. 9.

⁴⁴ Дамье В.В., Драбкин Я.С. Феномен тоталитаризма. — Там же, с. 499–536.

⁴⁵ Коминтерн и идея мировой революции. Документы. М., 1998.

⁴⁶ Драбкин Я.С. Идея мировой революции и ее трансформации. — История Коммунистического Интернационала 1919–1943. Документальные очерки. М., 2002, с. 26.

⁴⁷ Там же, с. 27.

организованной контрсилой? Пока угрозы миру и самому существованию человека не устранены, можно ли отказывать народам, и отдельной личности в применении самого святого права на самозащиту, в том числе и на революционное противодействие насилию?»⁴⁸.

В 1990-х годах Яков Самойлович Драбкин стал признанным лидером российской германистики. Как ученый, он известен и пользуется авторитетом во всем мире. Он возглавил созданный в 1990 г. в ИВИ РАН Центр германской истории и руководил им до конца жизни. Много лет его бессменным помощником в этой работе была историк М.Б. Корчагина (к несчастью, рано умершая), которая много сделала для изучения социальных движений и антифашизма в Германии. Центр смог взять на себя фактическую координацию российских исследований по германской истории в XX в., установил контакты с ведущими научными учреждениями ФРГ и немецкими учеными, организовал десятки международных конференций. Я.С. Драбкин играл виднейшую роль в образованной в 1997 г. Совместной комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений. 1990-е и 2000-е годы были весьма плодотворными для него как для автора. Только за 1996–2003 гг., согласно статистическим отчетам в ИВИ РАН, он опубликовал 41 работу общим объемом в 42,3 печатных листа⁴⁹ и выступил ответственным редактором ряда научных сборников⁵⁰.

Важнейшим делом в эти годы Яков Самойлович считал ознакомление российской общественности с «Вуппертальским проектом», который был задуман и осуществлен его давним другом Л.З. Копелевым. В рамках этого проекта в ФРГ был осуществлен выпуск двух серий томов, посвященных истории развития российско-немецких духовных, культурных, человеческих контактов и связей. В одной из них, серии «А», рассматривался взгляд немцев на Россию и русских начиная с IX в., в другой, серии «Б», соответственно, взгляд русских на немцев и Германию.

«Вуппертальский проект», по существу, стал частью «дипломатии снизу», целью которой было преодоление сложившегося образа врага и устойчивых исторических предрассудков. Я.С. Драбкин воспринимал продвижение и распространение проекта как своего рода миссию, направленную на «решение той великой задачи культурно-духовного узнавания и сближения двух наших народов, которой без остатка отдал свою большую и яркую жизнь крупнейший ученый-мыслитель, яркий писатель и великолепный человецище Лев Копелев»⁵¹. В 2002 г., к 90-летию Копелева, вышла иллюстрированная книга «Лев Копелев и его “Вуппертальский проект”». Яков Са-

⁴⁸ Драбкин Я.С. Революции как научная проблема, с. 66.

⁴⁹ Драбкин Я.С. Нерешенные проблемы изучения социальных революций. – Социальные трансформации в Европе XX в. М., 1998; *его же*. О революциях. Размышления старого историка. – Там же; *его же*. Россия и Германия в Европе XX века: диалог революций, диктатур, демократии. – Россия и Германия в Европе. М., 1998; *его же*. Владимир Ленин и Роза Люксембург: попытка критического сопоставления. – Карло Россели и левые в Европе: к 100-летию со дня рождения. М., 1999; *его же*. Коминтерн и Германия в свете архивных документов. – Германия и Россия: события, образы, люди. Воронеж, 2000; *его же*. Владимир Ленин, Роза Люксембург и другие революционеры. – Левые в Европе XX века: люди и идеи. М., 2001; *его же*. Век социальных трансформаций. К критике марксистской идеологии. – Мир в XX веке. М., 2001; *Drabkin J.S.* Formen und Probleme des Umgangs mit der Vergangenheit aus russischer Sicht. – *Russland und Deutschland auf dem Weg zum internationalen Konsens*. Baden-Baden, 1999; *idem*. Rosa Luxemburg Vision von 1918 und Russland heute. – *Rosa Luxemburg im internationalen Diskurs*. Berlin, 2002; *idem*. Rosa Luxemburg und die Kommunistische Internationale. – *Ibidem*; *idem*. Rosa Luxemburg zwischen Russland und Deutschland. – *Ibidem*.

⁵⁰ Вторая мировая война и преодоление тоталитаризма: российско-германская конференция историков в Волгограде, май 1995 г. М., 1997; Веймар – Бонн. Опыт двух германских демократий и современная Россия: российско-германская конференция историков в Челябинске, сентябрь 1996 г., М., 1998; Россия и Германия в историческом ракурсе. Россия – Германия – Европа: исследования и публикации, вып. 5. М., 2002.

⁵¹ Лев Копелев и его «Вуппертальский проект». Под редакцией Я.С. Драбкина. М., 2002, с. 3.

мойлович считал это началом грандиозной задумки — перевода и русского издания томов проекта. К сожалению, в итоге удалось выпустить лишь 5-й том серии «А» (в 2 частях), который был посвящен восприятию русской революции в сферах немецкой политики, публицистики, литературы, искусства и философии⁵². Перевод ряда статей, общее редактирование перевода, предисловие к русскому изданию и послесловие принадлежат Я.С. Драбкину.

В 2010-х годах, несмотря на почтенный возраст, Яков Самойлович продолжал активную научную работу. Вместе с немецкими историками Г. Вебером и Б. Байерляйнном он возглавлял проект издания документов по теме «Коминтерн и Германия»⁵³. Труд был нелегким: из множества опубликованных и неопубликованных прежде документов необходимо было отобрать наиболее важные и характерные, что нередко вызывало расхождения в оценках и критериях выбора и презентации материалов, при определении формы публикации. Немецкое издание «Германия, Россия, Коминтерн» вышло в свет в 2014–2015 гг. и состояло из трех частей. В первую были включены статьи авторов проекта (среди них была и статья Я.С. Драбкина об идее мировой революции в Коминтерне)⁵⁴, во вторую и третью — более 500 документов (включая 300 опубликованных впервые или 160 до тех пор не публиковавшихся по-немецки) за 1918–1943 гг.⁵⁵

Что бы там ни говорили, смерть никогда не настигает людей, свершивших все задуманное ими. Как бы много больших дел человек ни сделал при жизни, уходя из нее, он всегда оставляет что-то не сделанное, близкие и дорогие его сердцу, но так и не реализованные замыслы. Так было и с Яковом Самойловичем Драбкиным. Дело его учеников и друзей — помнить об ушедшем от нас великом ученом, следовать его примеру, вдохновляться его стойкостью и продолжать его труды.

---

⁵² Германия и русская революция 1917–1924. Пер. с нем. под ред. Я.С. Драбкина. М., 2007.

⁵³ В работе над проектом также принимали участие с российской стороны А.А. Галкин, Н.С. Лебедева и М.Б. Корчагина, с немецкой — Г.А. Альберт.

⁵⁴ *Weber H., Drabkin J., Bayerlein B.H., Galkin A.* Deutschland, Russland, Komintern. I. Überblicke, Analysen, Diskussionen. Neue Perspektiven auf die Geschichte der KPD und die Deutsch-Russischen Beziehungen (1919–1943). Berlin – Boston, 2014.

⁵⁵ Deutschland, Russland, Komintern. II. Dokumente (1918–1943). Nach der Archivrevolution. Neuerschlossene Quellen zu der Geschichte der KPD und den deutsch-russischen Beziehungen. Hrsg. von H. Weber, J. Drabkin, B.H. Bayerlein. Teilbd. 1,2. Berlin – München – Boston, 2015.